



ЕВСАКОВ
ГЕННАДИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

заведующий кафедрой
уголовного права
факультета права
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
доктор юридических
наук, профессор



ДОЛОТОВ
РУСЛАН
ОЛЕГОВИЧ

доцент кафедры
уголовного права
факультета права
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
кандидат юридических
наук

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ПРАВОВЫМ ВОПРОСАМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена юридической максиме *iura novit curia* в современном уголовном процессе. Очевидно, что в современных условиях усложнившегося правового регулирования эта максима сомнительна в своей абсолютной истинности. По этой причине суды очевидно нуждаются в некоей помощи по правовым вопросам. Тем не менее российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит механизма такой помощи. Каждодневная судебная практика разнится от отрицания возможности такой помощи до ее принятия или как заключений специалиста, или как свидетельских показаний. Авторы анализируют эти подходы и приходят к выводу о необходимости специального правового режима, схожего с принятым в арбитражном процессе в России. Ими предлагаются некоторые принципы такого режима. Основной вывод заключается в том, что судья никоим образом не связан предложенной правовой помощью, однако может воспользоваться представленным юридическим обоснованием, сочтя его убедительным.

Ключевые слова: презумпция, вопросы права, вопросы факта, экспертиза, заключение специалиста

*Iura novit curia*¹ представляет собой достаточно известную максиму права, которая стала стандартным решением проблемы использования заклю-

¹ Происхождение этой максимы неясно; в большинстве источников ее возводят, как это часто бывает со всеми латинизмами, к римскому праву (иногда — к его гlossenаторской обработке). Есть и иные, схожие версии максимы, как, например, *da mihi factum, dabo tibi ius*.



GENNADY A. ESAKOV

Head of Department
of Criminal Law
of the Faculty of Law
at National Research
University Higher
School of Economics,
LLD, Professor

RUSLAN O. DOLOTOV

Associate Professor
of Department of Criminal
Law of the Faculty of Law
at National Research
University Higher School
of Economics PhD in Law

REPORTS ON LEGAL ISSUES IN CRIMINAL PROCEDURE

The authors analyses the legal maxim “iura novit curia” in a contemporary criminal procedure. It is concluded that this maxim clearly cannot be supported due to exceptional difficulty of legal regulation today. That is why the trial court needs in some kind of assistance in legal matters. However, Russian criminal procedure legislation does not provide any legal tool for such assistance. The day-to-day court’s practice varies from neglecting such assistance to its acceptance either as expert report or as witness statements. The authors analyses these approaches and concludes that there is a necessity in a special legal regime similar to one adopted in arbitration proceedings in Russia. They propose several principles of such regime. The main conclusion is that the judge is not required to follow the proposed legal assistance. However, he may follow the reasoning behind it if he finds it conclusive.

Keywords: presumption, questions of law, questions of fact, expertise, expert report

чений по правовым вопросам² в уголовном процессе³.

Тем не менее проблему эту можно вновь вынести на обсуждение как минимум по некоторым причинам. Во-первых, усложнение и увеличение законо-

² Широко использующееся выражение «заключение *amicus curiae*» нам представляется не вполне точным в рассматриваемом контексте, поскольку обычно связано с заключением, представляемым по инициативе его автора в высший суд. В статье же речь в основном пойдет о заключениях, подготавливаемых по инициативе сторон или суда.

³ Авторы статьи сознательно ограничиваются только уголовной сферой, хотя и не исключают возможных параллелей с другими видами судопроизводства. Кроме того, некоторые личные примеры по тексту статьи будут приводиться именно из иных процессов.

дательного массива, постоянные правки уголовного и регуляторного законодательства создают ощущение сложности в установлении истинного содержания права. Во-вторых, законодательному тексту сопутствует массив судебной практики, который еще пару десятилетий назад исчерпывался в большинстве случаев бюллетенями высших судов, а в настоящее время является — благодаря справочным правовым системам и онлайн-пространству в целом — практически необозримым. В-третьих, по многим вопросам наличествуют конфликтующие позиции что в доктрине уголовного права, что иногда и в судебной практике разных регионов, и это также не способствует легкости в уяснении содержания права. Суду, принимающему решение по уголовному делу, конечно же, можно и нужно полагаться на собственные силы, но разве своего рода помочь не может быть в некоторых случаях полезной и приемлемой? Попыткой ответить на этот вопрос и является настоящая статья.

Примечательно, что в неуголовной сфере заключения по правовым вопросам получают определенное признание. Например, ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) и ст. 1191 Гражданского кодекса (ГК) РФ регламентируют порядок установления содержания норм иностранного права и допускают привлечение в этом случае экспертов (но не в полном процессуальном смысле этого слова, как это следует из п. 44 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»). В связи с международными арбитражными разбирательствами этот вопрос также обстоятельно изучается⁴. В 2017 г. Конституционный Суд РФ санкционировал в своем регламенте так называемые инициативные научные заключения (§ 34.1), представляемые научными организациями, осуществляющими деятельность

в сфере права, и гражданами, осуществляющими научную деятельность в сфере права. Статья 87.1 АПК РФ позволяет по инициативе арбитражного суда привлекать специалиста «в целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого... спора». Наконец, ч. 2 ст. 50 Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ прямо позволяет поставить перед специалистом вопросы, связанные с установлением содержания не только норм иностранного права, но и положений нормативного правового акта, т.е. российского законодательства.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) РФ подобных норм нет, хотя установление содержания закона иностранного государства требуется как минимум в контексте экстрадиции (ст. 462). Но если содержание норм иностранного права — это достаточно частный вопрос, то позиция уголовно-процессуального закона в отношении заключений по вопросам российского права обусловлена, во-первых, уже упоминавшейся максимой и, во-вторых, невозможностью вписать такие заключения в систему доказательств.

Некоторое время назад одним из авторов настоящей статьи было проведено эмпирическое исследование — интервью на условиях анонимности с 12 профессорами (преимущественно из Москвы), которые готовили подобные заключения. Основываясь на полученных ответах, можно выделить четыре сложившихся основных подхода к заключениям по правовым вопросам.

1. Заключение рассматривается как заключение специалиста, которое адвокат чаще всего получает в ответ на адвокатский запрос. То есть ученый выступает в данной ситуации как лицо, обладающее специальными знаниями, и привлекается к участию в процессуальных действиях для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Однако суды крайне редко воспринимают заключение ученого-правоведа как заключение специалиста по уголовному делу (т.е. в качестве самостоятельного доказательства по делу), хотя такие случаи все-таки встречаются⁵.

⁴ Основной массив литературы по этому вопросу изложен на иностранных языках. Из русскоязычных источников см., напр.: Грибанов А.В. Установление содержания иностранного права при разрешении споров в государственных судах и в международном коммерческом арбитраже // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 1. С. 8–30; Панов А.А. Принцип «*jura novit curia*» в международном коммерческом арбитраже // Новые горизонты международного арбитража: сб. ст. / под ред. А.В. Асосковой, Н.Г. Вилковой, Р.М. Ходыкина. Вып. 1. М., 2013. С. 270–296; Попов Е.В. Принцип *iura novit tribunus* в международном коммерческом и инвестиционном арбитраже // Закон. 2017. № 6. С. 108–117.

⁵ Действующее процессуальное законодательство абсолютно исключает возможность рассматривать заключение



2. В 10–20% случаев суды признают заключения «иным документом» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).
3. Суды рассматривают заключение как особый процессуальный документ, служащий основанием для допроса ученого, предоставившего свое юридическое заключение, как свидетеля (порядка 15% случаев).
4. В остальных ситуациях суды вообще отказываются принимать к рассмотрению подобные заключения либо заслушивают их, но не приобщают к материалам дела.

Однако, несмотря на отсутствие процессуального закрепления, заключения по правовым вопросам все равно объективно существуют в уголовной плоскости. Их отличительные характеристики могут быть сведены к следующим.

Во-первых, они могут быть подготовлены по запросу как обвинения, так и защиты. Понятно, что на практике в большинстве случаев инициатором подготовки заключений выступает защита, однако сотрудничество со стороной обвинения также может иметь место, включая непрямое сотрудничество, например с гражданским истцом по уголовному делу.

Во-вторых, являясь заключением по правовым вопросам, подготовленный текст должен опираться не на установленные автором факты, а на некую представленную ему как данность совокупность фактических обстоятельств, которую он не оспаривает и принимает за доказанную. В большинстве случаев для этой цели достаточно той фактической основы дела, которая содержится в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого или в фабуле обвинительного заключения⁶. Крайне редко, но все же

по правовым вопросам как заключение эксперта ввиду, во-первых, особого порядка назначения судебной экспертизы (ст. 195, 283 УПК РФ) и, во-вторых, запрета постановки перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой действия, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

⁶ В международных арбитражных разбирательствах при правовой оценке тех или иных событий заказчик обычно раскрывает эксперту (мы будем использовать именно этот термин, поскольку заключение по правовым вопросам называется *expert report*) фактическую основу дела в виде так

возможно почертнуть фактические обстоятельства дела из юридически значимых документов, таких как иные судебные решения, договоры и т.п. Соответственно, только опираясь на эту фактическую основу, автор заключения может дать уголовно-правовую квалификацию события.

С осторожностью следует подходить к заключениям по, скажем так, альтернативной версии событий, предложенной стороной по делу. Основной риск здесь связан с возможной неполнотой представленной для анализа картины, которая — при ее малейшем видоизменении — сделает бессмысленным все заключение⁷.

В-третьих, заключение должно быть объективным⁸. Это самоочевидное требование тем не менее требует некоторых пояснений. Сторона, обращающаяся за заключением, желает получить определенный устраивающий ее ответ. Однако если он невозможен по юридическим соображениям, то и подготовка заключения невозможна, и это аксиома.

Вместе с тем, например, подготовка заключения допустима, если позиция, занятая автором, является позицией группы ученых при условии, что противоположная позиция также будет отражена⁹. Так, по

называемых *instructions*. Соответственно, эксперт строит свои выводы преимущественно на основе этой фактологической базы, привлекая при необходимости иные факты, подкрепляемые предоставленными в его распоряжение документами. Однако такой выход за пределы *instructions* чреват рисками при перекрестном допросе эксперта в части полноты воссозданной им картины.

⁷ Опять же в международных арбитражных разбирательствах перекрестный допрос эксперта часто строится на предложении ему оценить альтернативную версию событий. Основываясь на личном опыте, можно сказать, что только в крайне редких случаях здесь возможен однозначный ответ; как правило, недвусмысленная юридическая оценка альтернативной версии событий в ходе перекрестного допроса невозможна именно ввиду неполноты предлагаемой в вопросе картины.

⁸ В этом смысле можно как минимум указывать в тексте на то, что автору «известно» об уголовной ответственности по ст. 307 Уголовного кодекса (УК) РФ, поскольку в смысле УПК РФ он не может быть «предупрежден» о ней.

⁹ Из личной практики одного из авторов можно привести пример, когда при подготовке заключения для международного арбитража возник вопрос о конструкции так называемой отложенной взятки, т.е. ситуации, при которой непосредственная передача предмета взятки имеет место после прекращения статуса лица как должностного. Вер-

делам о групповом исполнении преступления¹⁰ можно отстаивать невозможность квалификации содеянного по групповому признаку; можно, далее, отрицать саму по себе возможность квалификации каких-либо действий как покушения на разбой¹¹. Такие спорные вопросы пока не имеют явного однозначного решения ни в доктрине, ни в судебной практике, а потому заключение с поддержкой той или иной позиции способствует движению практики в сторону большей определенности.

Сложнее обстоит дело в ситуации, когда судебная практика явно расходится с доктриной уголовного права (например, в вопросе о бенефициарном хищении¹²). Однако и в этом случае заключение можно рассматривать как способ повлиять на судебную практику.

Как уже говорилось, заключения по правовым вопросам — это своего рода «серая» зона уголовного процесса. Они объективно существуют, но преимущественно отвергаются в доктрине.

Доводов здесь несколько. Среди них — *argumentum ad legem*, уже упоминавшийся запрет ставить перед экспертом вопросы правового характера¹³, и максима

ховный Суд РФ считает приемлемой квалификацию содеянного как получения взятки (Определение от 25.12.2012 по делу № 4-О12-105сп). В заключении была отражена, однако, и альтернативная точка зрения, представленная П.С. Яни (см.: Яни П. Получить взятку может только должностное лицо // Законность. 2014. № 7. С. 20–24). Ссылка на необходимость объективно представлять область дискуссии, сделанная в ответ на вопрос о надобности такого упоминания, полностью удовлетворила спрашивающего. В этом же процессе другой эксперт более часа допрашивался относительно разных подходов к пониманию конкретного налогового термина; со стороны представление альтернативных позиций по одному вопросу выглядело намного более убедительным, чем представление только одного подхода.

¹⁰ Подробнее о проблеме см.: Есаков Г.А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 2. С. 10–15.

¹¹ Постановление Президиума ВС РФ от 03.04.2002 № 115п02. Подробнее о проблеме см.: Яни П. Вопросы квалификации разбоя // Законность. 2015. № 9. С. 34–39.

¹² Подробнее о проблеме см.: Долотов Р.О. Уголовная ответственность акционеров / участников хозяйственных обществ за хищение имущества своих компаний // Уголовное право. 2017. № 1. С. 60–66.

¹³ См.: Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле // Законность. 2001. № 9. С. 21–24.

*iura novit curia*¹⁴. Однако, помимо судебной экспертизы, есть и иные процессуальные формы вовлечения таких заключений в процесс. Что же касается максимы, то сегодня она в определенном смысле превратилась в фикцию: никто из юристов не может претендовать на полноту знаний¹⁵, и даже специализация, условно говоря, в уголовно-правовой области — при должном подходе — всегда связана с еще большей специализацией внутри такой области. Л.В. Головко пишет: «Вопрос ведь не в том, что судья подобен божеству, знающему все право, а в том, что он сам способен *ex officio* решить любые правовые проблемы, неполагаясь на активность сторон. Никто не запрещает суду изучать в перерывах между заседаниями специальную литературу или при необходимости консультироваться в надлежащем порядке с научными или иными компетентными учреждениями в вызывающих затруднения ситуациях»¹⁶. Но это превращает доктрину, скажем так, в доктрину первого и второго сорта, представленную допущенными до судов учреждениями (о чем пишет П.С. Яни¹⁷) и всеми иными. Проблема состоит также и в том, что такого «надлежащего порядка» не существует: всё, на что могут полагаться судьи, это либо частное общение¹⁸, либо мероприятия повышения квалификации. Суд не может направить запрос, письмо — процессуального формата для такого действия не существует. А потому в сложных ситуациях он пока вынужден полагаться на пресловутую активность сторон.

¹⁴ См.: Головко Л.В. Влияние профессионального статуса суда на степень его активности в уголовном судопроизводстве // Закон. 2016. № 1. С. 27–38.

¹⁵ Ср.: «Получение же юридического образования presupposes умение разбираться не только в вопросах уголовного права или процесса, но и во всех проблемах, так или иначе связанных с применением правовых норм» (см.: Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле).

¹⁶ Головко Л.В. Указ. соч.

¹⁷ См.: Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле.

¹⁸ В практике одного из авторов был случай, когда ему на электронную почту пришло письмо со скромной подписью и вопросом квалификации такой сложности, что, несмотря на несколько статей по теме вопроса, с ходу ответить на него не удалось, и, более того, в итоге было дано несколько ответов в зависимости от уточнения фактической ситуации. Автором письма был судья одного из региональных судов (выяснить это оказалось достаточно легко, хотя сам он не подписался так). Два риторических вопроса в связи с этим: кто должен был бы ответить на вопрос в суде, если не обращаться к науке? А если обращаться к ней, то как это сделать официально, т.е. так, чтобы потом ответ можно было использовать при рассмотрении уголовного дела?



Не менее эмоционально сильны здесь и аргументы *ad hominem*. П.С. Яни пишет о невозможности определить надлежащую квалификацию эксперта, вероятности взаимоисключающих выводов по квалификации¹⁹. Л.В. Головко же прямо указывает: «...вопрос о правовых экспертизах чаще всего поднимается не судьями, не испытывающими в этом смысле никаких видимых сложностей, а участниками процесса (прежде всего адвокатами), стремящимися пролоббировать нужную им точку зрения по той или иной правовой проблеме, заручившись не всегда безвозмездным „мнением“ условного кандидата или доктора юридических наук, чаще всего даже не знакомого с материалами уголовного дела»²⁰. Эта аргументация не может быть признана состоятельной постольку, поскольку заключение подготовлено объективно; и здесь просто наука может и должна говорить «нет», и никакие соображения материального характера не должны это «нет» преодолевать.

Другая крайность — это предложение признать юридические знания специальными и распространить на них положения УПК РФ о судебной экспертизе²¹. Но и оно слишком радикальное, не обусловленное необходимостью и загромождающее процесс.

Таким образом, на сегодня заключение по правовым вопросам не может быть использовано как заключение эксперта или специалиста. Более перспективным является заявление ходатайства о допросе явившегося ученого как свидетеля²², а само заключение лучше использовать как приложение к ходатайству о допросе.

Возможно, не помешала бы институционализация этой практики в форме, родственной действующей ст. 87.1 АПК РФ с той лишь оговоркой, что консультация может быть дана и по инициативе стороны обвинения или защиты.

¹⁹ См.: Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле.

²⁰ Головко Л.В. Указ. соч.

²¹ См.: Россинская Е.Р., Галышина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2010. С. 9–19.

²² Такой процессуальный статус, конечно, не вполне согласуется со смыслом ч. 1 ст. 56 УПК РФ, однако является наиболее распространенным при допросе ученых как на стадии предварительного расследования, так и в судебном заседании.

В любом случае и сейчас, и в перспективе суд не только не связан заключением (сама по себе такая постановка вопроса немыслима), но даже не обязан упоминать его в тексте приговора²³. Однако, будучи согласным с выводами заключения, он может использовать их мотивировку в той мере, в какой она является юридической, т.е. содержит анализ применимых уголовно-правовых норм. Поэтому вся сила заключения состоит в его аргументации, убедительности анализа законодательства, судебной практики и теории уголовного права.

Подытоживая сказанное, следует вновь подчеркнуть, что при подготовке и представлении в суд заключений по правовым вопросам никто не посягает на независимость суда (ст. 8.1 УПК РФ). Это способ помочь суду в разрешении дела и в конечном итоге в том числе примирить науку и практику²⁴.

P.S. Пока статья готовилась к печати, один из ее авторов был допрошен следователем как свидетель с целью прояснения сложного вопроса квалификации по признакам специального субъекта преступления (по сути, по материалам опубликованной автором статьи). В другом уголовном деле нам встретилась назначенная следователем правовая судебная экспертиза — пусть она и была по праву Британских Виргинских островов, но сам по себе подход показателен. Так что вопрос, поставленный нами, отнюдь не праздный.■

REFERENCES

Dolotov, R.O. "Criminal Liability of Shareholders / Participants of Limited Companies for Larceny of These Companies' Property" [Ugolovnaya otvetstvennost' aktsionerov / uchastnikov

²³ Европейский суд по правам человека, ссылаясь на *iura novit curia*, в связи с российской практикой подтвердил, что «правовые вопросы обычно относятся к сфере компетенции и знаний судьи... и судья вправе решать, нуждается ли он в помощи в конкретной области права»; соответственно, на усмотрение суда остается вопрос принятия заключения по правовым вопросам (постановление от 25.07.2013 по делу «Ходорковский и Лебедев (*Khodorkovskiy and Lebedev*) против Российской Федерации» (жалобы № 11082/06 и 13772/05). § 722).

²⁴ См.: Комиссаров В., Яни П. Уголовный закон: как соединить теорию с практикой? // Законность. 2005. № 12. С. 42–43.

khozyaystvennykh obshchestv za khishchenie imushchestva svoikh kompaniy]. Criminal Law [Ugolovnoe pravo]. 2017. No. 1. P. 60–66.

Esakov, G.A. “Qualification of Crime Committing Jointly with a Person Not Criminally Responsible: A New Turn in Case Law” [*Kvalifikatsiya sovmestnogo soversheniya prestupleniya s litsom, ne podlezhashchim ugolovnoy otvetstvennosti: novyy poverot v sudebnoy praktike*]. Criminal Law [Ugolovnoe pravo]. 2011. No. 2. P. 10–15.

Golovko, L.V. “An Influence of Court’s Professional Status on Its Activity in Criminal Procedure” [*Vliyanie professional'nogo statusa suda na stepen' ego aktivnosti v ugolovnom sudoproizvodstve*]. Statute [Zakon]. 2016. No. 1. P. 27–38.

Gribanov, A.V. “Determination of Foreign Law Content in Procedures in State Judicial Bodies and International Commercial Arbitration” [*Ustanovlenie soderzhaniya inostrannogo prava pri razreshenii sporov v gosudarstvennykh sudakh i v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe*]. The Herald of International Commercial Arbitration [Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha]. 2012. No. 1. P. 8–30.

Komissarov, V. and Yani, P. “Criminal Legislation: How Combine the Theory and the Practice?” [*Ugolovnyy zakon: kak soedinit' teoriyu s praktikoy?*] Legality [Zakonnost']. 2005. No. 12. P. 42–43.

Panov, A.A. “The Principle ‘Jura Novit Curia’ in International Commercial Arbitration [*Printsip ‘jura novit curia’ v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe*], in: Asoskov A.V., Vilkova, N.G. and Khodykin, R.M. (eds.). New Horizons of International Arbitration [*Novye gorizonty mezhdunarodnogo arbitrazha*]. Iss. 1. Moscow, 2013. P. 270–296.

Popov, E.V. “The Principle *Iura Novit Tribunus* in International Commercial and Investment Arbitration” [*Printsip iura novit tribunus v mezhdunarodnom kommercheskom i investitsionnom arbitrazhe*]. Statute [Zakon]. 2017. No. 6. P. 108–117.

Rossinskaya, E.R. and Galyashina, E.I. The Handbook of a Judge: An Court’s Expertise [*Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza*]. Moscow, 2010. 464 p.

Yani, P. “‘Legal’ Expertise in Criminal Procedure” [*Pravovaya ekspertiza u ugolovnom dele*]. Legality [Zakonnost']. 2001. No. 9. P. 21–24.

Yani, P. “Issues in Qualifications of Violent Robbery” [*Voprosy kvalifikatsii razboya*]. Legality [Zakonnost']. 2015. No. 9. P. 34–39.

Yani, P. “To Be Bribed May Be Only Public Official” [*Poluchit' vzyatku mozhet tol'ko dolzhnostnoe litso*]. Legality [Zakonnost']. 2014. No. 7. P. 20–24.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gennady A. Esakov

Head of Department of Criminal Law of the Faculty of Law at National Research University Higher School of Economics, LLD, Professor (109028, Russia, Moscow, Bolshoy Tryohsvyatitelskiy per., 3; e-mail: gesakov@hse.ru).

Ruslan O. Dolotov

Associate Professor of Department of Criminal Law of the Faculty of Law at National Research University Higher School of Economics, PhD in Law (109028, Russia, Moscow, Bolshoy Tryohsvyatitelskiy per., 3; e-mail: rdolotov@hse.ru).